

Борис Заходер

РУСАЧОК

Издательство „Малыш“ • 1975

Жил-был маленький зайчик по имени Русачок, и был у него знакомый Головастик. Зайчик жил на лесной опушке, а головастик — в пруду.

Бывало, встретятся — Головастик хвостом виляет, Русачок лапками барабанит. Весело!

Вот как-то приходит Русачок к пруду — глядь-поглядь, а Головастика нет. Как в воду канул!

А на берегу какой-то лягушонок сидит.

— Эй, Лягушонок, — говорит Русачок, — не видал моего знакомого Головастика?

— Нет, не видал, — отвечает Лягушонок, а сам хохочет: хва-хва-хва!

— Чего ж ты смеёшься, — обиделся Русачок, — у меня приятель пропал, а ты хохочешь! Эх, ты!

— Да не я „эх“, — говорит лягушонок, — а „эх“ ты! Своих не узнаёшь! Это ж я и есть!

— Что значит „я“? — удивился Русачок.

— Я и есть твой знакомый Головастик!

— Ты? — ещё больше удивился Русачок. — Быть того не может! У Головастика хоть хвост был, а у тебя что? Ты совсем и не похож!

— Мало ли что не похож, — отвечает лягушонок, — а всё равно это я! Просто я вырос и в лягушонка превратился. Так всегда бывает!

— Вот так штука, — говорит Русачок. — Всегда, говоришь, так бывает?

— Конечно, всегда! Все так: как вырастут, так и превратятся! Из червячка — комар или там жук получится, из икринки — рыбка, а из головастика, известное дело, — лягушка! Даже стихи такие есть:

Головастики спешат

Превратиться в лягушат!

Ну тут Русачок ему окончательно поверил.

— Спасибо, что сказал, — говорит. — Тут есть над чем подумать!

И разошлись.

Пришёл Русачок домой и спрашивает свою маму:

— Мам! Скоро я вырасту?

— Скоро, скоро, сынок, — говорит мама. — Как листья пожелтеют — будешь большой! Мы, зайцы, быстро растём!

— А в кого я превращусь?

— Что значит, в кого превращусь? — не поняла мама.

— Ну кем я стану, когда вырасту?

— Ясное дело, кем, — отвечает мама. — Станешь большим, красивым зайцем, как твой папа!

— Ну, это мы ещё посмотрим! — сказал Русачок.

И побежал — пошёл смотреть, в кого бы ему превратиться!

„Посмотрю, — думает, — на всех, кто в лесу живёт: кто больше понравится, тем и стану!“

Маленький, а хитрый!

Идёт по лесу, а кругом птички поют.

„Эх, — думает Русачок, — а не стать ли и мне птичкой? Буду себе летать да песни распевать! Уж больно я петь люблю! А мы, зайцы, очень тихо поём — никто и не слышит!“

Только он это подумал — видит: сидит на суку птица. Замечательная птица: больше зайца ростом, перья чёрные, брови красные и поёт замечательно:

— Тэке-тэке! Дак-дак!

— Тётенька-птица! Как вас звать?

— Дак-дак! — отвечает Глухарь (это он и был).

— Дяденька Дак-дак, как мне птицей стать?

— Кичивря-кичивря! — отвечает Глухарь.

— Хочу в птицу превратиться, — объясняет Русачок. А тот всё своё:

— Дак-дак! Кичивря-кичивря!

„Глухой он, что ли?“ — подумал Русачок и только было собрался поближе подойти, слышит: топ-топ, топ-топ!

— Охотник! Спасайся, дяденька Кичивря! — крикнул Русачок и едва успел в кустах схорониться, вдруг ружьё как загремит:

— Бах! Бах!

Выглянул Русачок: в воздухе дыму полно, перья летают — полхвоста у Глухаря отхватил Охотник...

Вот тебе и Кичивря!

„Нет,—думает Русачок,—не буду я глухарём: хорошо он поёт, громко, да никого не слышит: тут и хвоста лишиться недолго... Наше дело—ушки на макушке держать!“

Поскакал-побежал дальше, а для храбрости сам песню запел—храбрую заячью песню:

Раз-два-три-четыре-пять—
Шёл Охотник погулять!
Вдруг Зайчонок выбегает
И давай в него стрелять!
Пиф! Паф! Ой-ой-ой!
Убежал Охотник мой!

Спел—на душе веселее стало.

Видит—Белка с ветки на ветку прыгает, веселится.
„Здорово прыгает,—думает Русачок,—не хуже меня! А не стать ли мне белкой?“

— Белка, Белка,—говорит,—иди-ка сюда.

Соскочила Белка на самую нижнюю ветку.

— Здравствуй, Русачок,—говорит,—чего тебе?

— Расскажи, пожалуйста, как вы, белки, живёте,—просит Русачок,—а то я надумал белкой стать!

— Ну, что ж, дело хорошее,—говорит Белка.— Живём мы прекрасно: с ветки на ветку прыгаем, шишки лущим, орешки грызём. Забот только много: гнездо устрой, на зиму запас собирай—грибы да орехи... Ну, да ничего, когда привыкнешь! Полезай на дерево—я тебя беличьей науке обучу!

Подошёл Русачок к

дереву, а сам думает: „Заботы какие-то... Мы, зайцы, без забот живём, гнёзда не строим, норы не роём...”

Полез было на дерево, да голова у него закружилась...

— Нет,—говорит,—не хочу белкой быть! Не наше это дело по деревьям лазить!

Засмеялась Белка, зацокала, шишкой в него запустила.

Спасибо, не попала.

Пошёл Русачок дальше. Пришёл на полянку. А там—веселье: мышата в салки играют. Засмотрелся на них Русачок.

Вдруг—что такое: побежали все сломя голову прочь. „Лиса! Лиса!“—кричат.

И верно—идёт Кума-Лиса: шубка рыжая, грудка белая, ушки на макушке, хвост—поленом. Красота!

„Неужели,—думает Русачок,—это они её, такую красивую, испугались? Не может быть!”

Вышел смело, поклонился и говорит:

— Здравствуйте, Кумушка-Лиса! Можно я у вас одну вещь спрошу?

— Ишь, какой смелый! — удивилась Лиса. — Ну, что ж, спрашивай, только поживей, а то у меня с вашим братом разговор короткий!

— А я недолго. Научите меня, как мне лисой стать? Очень уж вы мне понравились! Расскажите, как вы живёте.

Лисе лестно.

— Ну, что ж, — говорит, — живу обыкновенно: кого изловлю, того задавлю, кого задавлю, того съем! Вот и вся наука.

Ох, как страшно стало Русачку! Но виду не подал — только ушами стрижёт.

— Вот, — говорит, — почему вас все боятся! Нет, не стану я лисой — не наше это дело других обижать!

— И хорошо,—говорит Лиса,—а то, если зайцы лисами станут, кого мы, лисы, есть будем?

А у самой глазищи так и горят, зубищи оскалила, сейчас прыгнет—и прощай Русачок!

Только Русачок её даже не дослушал—как припустился—поминай, как звали!

Бежит, а про себя приговаривает: „Живых зайцев есть! Ишь, что выдумала! Это значит, стань я лисой—я сам себя съесть должен! Ну и ну!“

Долго бегал Русачок по лесу. Всех зверей повидал. Все ему, кроме Волка—он ещё злей Лисы,—понравилось. Да только ни один не подошёл.

Хотел было мышкой стать—да больно мала; хотел ежом—да больно колючий, никто не погладит, а

заяц ласку любит; хотел бобром—да в реке больно мокро...

Совсем было собрался медведем стать: сказал ему Медведь, что он мёд ест, а мёд, мол, ещё слаще морковки,—да не захотел Русачок зимой в берлоге спать, лапу сосать.

— Мы,—говорит,—этого не можем. Наше дело — бегать.

Бегал-бегал—прибежал к болотцу лесному.
Да так и замер.

Стоит зверь — всем зверям зверь: сам большой-пре-
большой, больше медведя, ноги длинные, уши — не ху-
же заячьих, да целые две пары, а глаза — добрые-пре-
добрые.

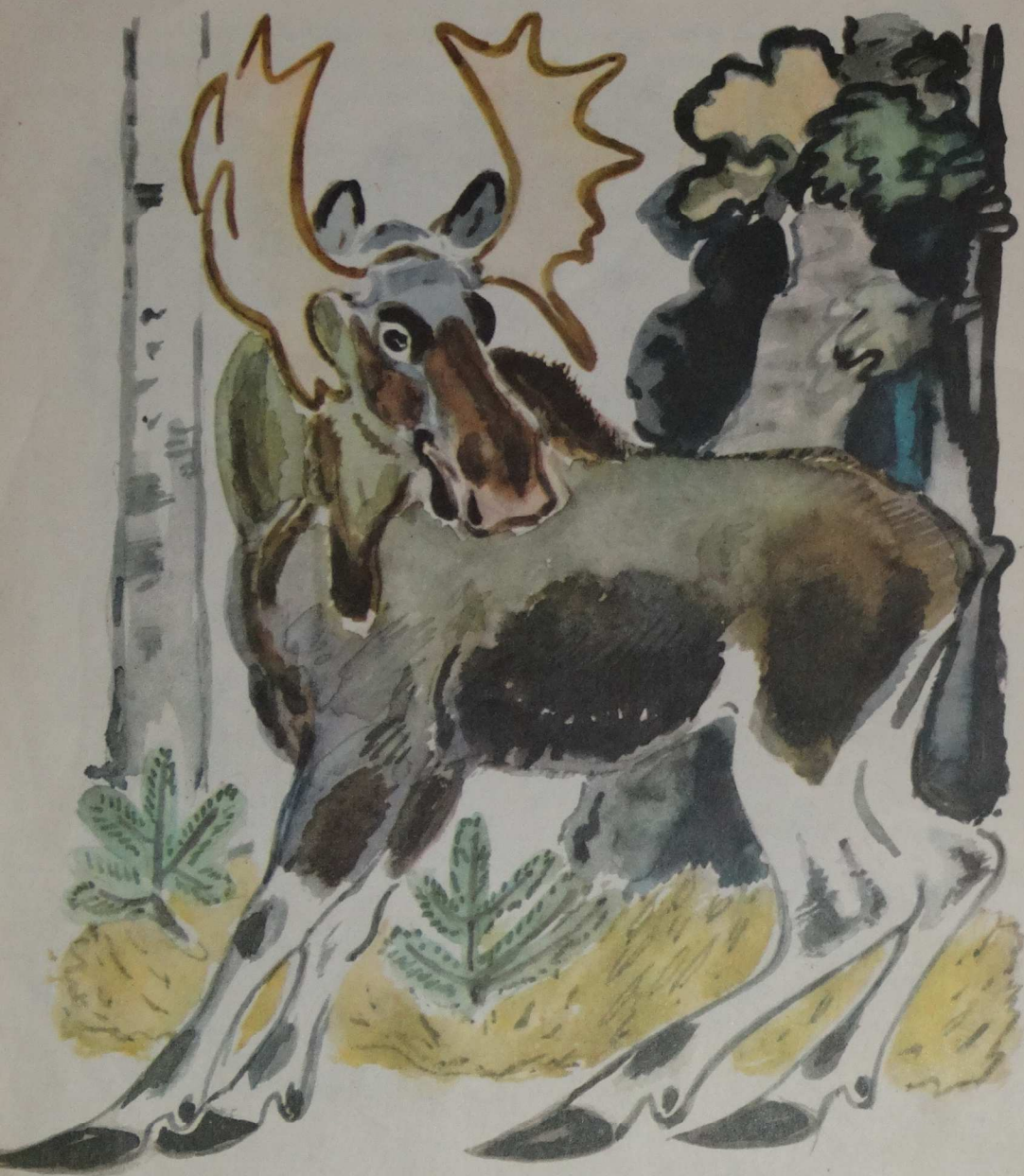
Стоит — травку щиплет, осиновую ветку гложет.

Уж как он Русачку понравился — и сказать невоз-
можно!

Поклонился он Зверю низёхонько.

— Здравствуйте, дяденька, — говорит, — как вас звать-
величать?

— Здравствуй, Русачок,— говорит великан,— звать меня Лось Сохатый.

— А зачем у вас, дяденька, две пары ушей? Засмеялся Лось Сохатый.

— Это,— говорит,— ты, видно, мои рога за уши принял!

— А зачем вам рога?

— Защищаться от врага,— говорит Лось.

— Ой, как здорово,— говорит Русачок,— а как вы, Лось, живёте?

— Живём обыкновенно: ветки гложем, траву щиплем.

— А морковку едите?

— Едим и морковку, коли попадётся.

— А других зверей не едите?

— Бог с тобой,— говорит Лось,— что придумал.

Тут Лось ещё больше Русачку понравился!

„Стану лосем“,— думает.

— А по деревьям не лазите?— спрашивает.

— Да что ты! Зачем это?

— А бегаєте быстро?

— Ничего, не жалуюсь,— смеётся Лось Сохатый.

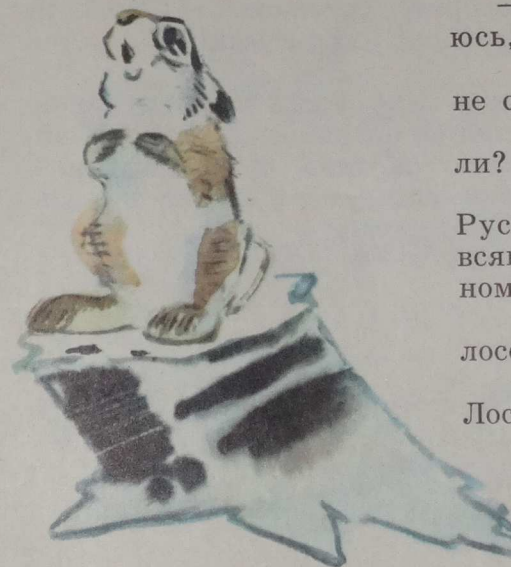
— А зимой в берлоге не спите, лапу не сосёте?

— Что я—медведь что ли?— смеётся Лось.

Ну, тут совсем решил Русачок: „Буду лосем!“ Но на всякий случай ещё об одном решил спросить:

— А скоро ли можно лосем стать?

— Ну что ж,— говорит Лось Сохатый,— скоро! Расти

надо лет пять этак или шесть, и будет из лосёнка настоящий Лось Сохатый.

Уж как тут Русачок огорчился — чуть не заплакал!

— Нет, — говорит, — не наше дело пять лет расти! До свидания, дяденька Лось!

— Прощай, малыш, — говорит Лось Сохатый.

И побежал Русачок домой.

Подбежал к знакомому пруду — в пруду жёлтые листья плавают, а на большом листе Лягушонок сидит. Подрос он, конечно, пожалуй, и Лягушкой назвать можно, но Русачок его всё равно сразу узнал.

— Здравствуй, — кричит, — бывший Головастик!

Он-то узнал, а Лягушонок, видно, нет: испугался и в воду нырнул. Удивился Русачок: „Что это он?“

Высунулся Лягушонок из воды и говорит:

— Эх, ты! Чего людей пугаешь?

— Да не я „эх“, а ты „эх“, — засмеялся Русачок. — Что ж ты, бывший Головастик, своих не узнаёшь? Это ж я!

— Что значит я? — удивился Лягушонок.

— Ну, я, твой знакомый Русачок.

— Вот так так, — говорит Лягушонок. — Какой ты Русачок? Ты самый настоящий Заяц-Русак!

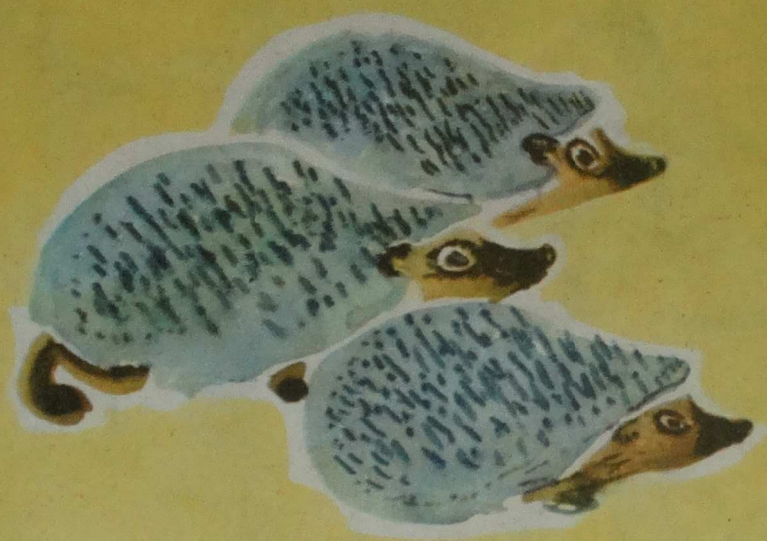
И нырнул.

Посмотрелся Русачок в воду, когда круги успокоились. Видит — и верно: стал он большим, красивым зайцем. Точь-в-точь, как папа: шёрстка пушистая, лапы сильные, глаза большие, а уши — ни в сказке сказать, ни пером описать!

И забарабанил он лапками. От радости.

21 коп.

Для дошкольного возраста

Борис Владимирович ЗАХОДЕР

РУСАЧОК

Художник В. БЕЛЫШЕВ

Редактор Т. Носова. Художественный редактор Г. Коптелова. Технический редактор Т. Щеплева. Корректор Н. Пьянкова. Подписано в печать 19/XII-74 г. Бумага офсетная № 1. Формат 60×90/8. Печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,59. Тираж 600 000. Цена 21 коп. Изд. № 2770. Заказ 413. Издательство «Малыш» Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46

70801—062
3 М102(03)—75 без объявл.—75